

DOI: 10.17516/1997-1370-0895

УДК 7.067

Music Education in the Yenisei Province (end of the 19th – beginning of the 20th century)

Eugenia S. Tsareva and Lilia R. Stroy*

*Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received .2021, received in revised form 31.01.2022, accepted 01.02.2022

Abstract. The subject of the research is the formation of professional music education in the Yenisei province of the late XIX – early XX century. The purpose of the work is to consider the role of music education in the formation of a local system of academic traditions on the example of the largest Russian region. Based on a wide range of historical sources, including those introduced into scientific circulation for the first time, the technologies for obtaining musical knowledge and skills of the imperial stage are highlighted and analyzed: the role of cultural and educational societies, private pedagogical practice, and the secondary secular school is indicated. Particular attention is paid to the creation in 1920 of the first permanent musical and educational institution on the Yenisei – the People’s Conservatory. Methodologically, the article is based on a historical approach. Among the leading methods are source study, descriptive and comparative historical methods. The comprehension of the discovered empirical material in the sociocultural aspect made it possible to obtain new results in the analysis of historical events. The article concludes about the importance of self-organizational processes in the development of musical education in the Yenisei province. Their action is reflected in the work of cultural and educational societies, the development of musical disciplines in the secondary secular school, and private teaching practice. The involvement of the anthropological approach in the study of local music reveals the role of the individual in shaping the musical life of the periphery, launching and coordinating self-organizational processes.

Keywords: academic musical traditions, musical education, self-organization, cultural and educational societies, P.I. Ivanov-Radkevich, People’s Conservatory, Krasnoyarsk, Yenisei province.

The research was funded by RFBR, Krasnoyarsk Territory and Krasnoyarsk Regional Fund of Science, project number № 19–412–240002.

Research area: theory and history of culture, art.

Citation: Tsareva, E. S., Stroy L. R. (2022). Music education in the Yenisei province (end of the 19th – beginning of the 20th century). J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(6), 894–908. DOI: 10.17516/1997-1370-0895.

Музыкальное образование Енисейской губернии конца XIX – начала XX века

Е.С. Царева, Л.Р. Строй

*Сибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Предметом исследования являются процессы становления профессионального музыкального образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX века. Цель работы – рассмотрение роли музыкального образования в сложении локальной системы академических традиций на примере крупнейшего российского региона. Опираясь на широкий ряд исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, освещены технологии получения музыкальных знаний и навыков имперского этапа: обозначена роль культурно-просветительных обществ, частной педагогической практики, средней светской школы. Определенное внимание уделено созданию в 1920 году первого постоянно действующего музыкально-образовательного учреждения на Енисее – Народной консерватории.

Методологически статья опирается на исторический подход. В числе ведущих выступают источниковедческий, дескриптивный и сравнительно-исторический методы. Осмысление обнаруженного эмпирического материала в социокультурологическом аспекте позволило получить новые результаты при анализе исторических событий. Сделан вывод о значении самоорганизационных процессов в становлении музыкального образования в Енисейской губернии. Антропологический подход в музыкально-краеведческом исследовании раскрывает роль личности в формировании музыкальной жизни региона, в запуске и координации самоорганизационных процессов.

Ключевые слова: академические музыкальные традиции, музыкальное образование, самоорганизация, культурно-просветительные общества, П.И. Иванов-Радкевич, Народная консерватория, Красноярск, Енисейская губерния.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта «Художественное образование как фундамент художественной жизни Сибири» № 19–412–240002.

Научная специальность: 5.10.1 – теория и история культуры, искусства.

Введение

Хронологическими рамками существования Енисейской губернии как крупнейшего целостного российского региона принято считать 1822 и 1925 годы. Она выступала предшественницей Красноярского края (который был учрежден в 1934 году) не только в историческом, географическом, экономическом планах, но и в музыкально-культурном. Одной из главных связующих нитей между двумя «формами бытования» енисейских земель служило сохранение кореллятивной пары – центра (Красноярск) и периферии, обеспечивающей целостность и самоидентичность данной территории. Вместе с тем, при всей важности роли предыстории, Енисейская губерния обладала и относительно самостоятельным и неповторимым музыкальным прошлым. С учреждением губернии на сибирских землях значительно интенсифицируется развитие городской культуры и одновременно идет перенос, адаптация и укоренение академических традиций в региональной музыкальной жизни.

Общеизвестно, что независимо от географического маркера академические музыкальные традиции исторически основываются на комплексе культурных ценностей и знаний, кристаллизовавшихся в европейском профессиональном письменном искусстве Нового времени, но постепенно приобретшем мировое распространение и статус универсальной модели-образца. Однако экспансии европейского культурного кода не произошло. Распространение европейского музыкального языка и мышления породило «встречи» с локальными традициями и возникновение национальных академических музыкальных моделей, обладающих уникальным обликом. Русское академическое музыкальное искусство сформировалось как вариант общеевропейского, но не потеряло при этом самостоятельной роли системного феномена, значительно обогатившего мировое художественное пространство. Немаловажно добавить, что академическое искусство генетически связано с городской культурой, оно зародилось внутри нее.

Саморазвивающаяся структурно-функциональная система традиций составляет академическую музыкальную культуру. В ее основу заложена деятельность и коммуникация важнейших субъектов: композитора, исполнителя, педагога, слушателя. Соответственно, система академических музыкальных традиций (культура) включает следующие базисные элементы: академическое композиторское творчество, исполнительство, образование, слушательскую аудиторию. Они обеспечивают необходимое «циркулирование» культурных ценностей в обществе (создание, сохранение, трансляцию, воспроизводство), при этом сами состоят из взаимосвязанных элементов более низкого порядка, встраиваясь как подсистемы в сложносоставную иерархичную модель (музыкальную культуру).

В годы бытования Енисейской губернии в орбиту распространения универсальной модели общеевропейского академического искусства уверенно входят Красноярск и окружные центры – Енисейск, Минусинск, Канск, Ачинск. В этот период запускается процесс становления на берегах Енисея регионального варианта целостной системы академического искусства, обладающего как типологическими чертами, так и собственной локальной спецификой, что способствует сохранению и воспроизводству музыкальных ценностей, их функционированию в едином географическом ареале.

Однако большую часть периода Енисейской губернии локальный вариант модели академических музыкальных традиций демонстрировал неравномерность в развитии его базовых компонентов, проявляющуюся в значительном перевесе в пользу исполнительства как исторически первого элемента в любой региональной культуре. Комплексное сложение таких блоков, как локальное композиторское творчество и музыкальное образование, хронологически возникает позднее. Оно нуждается в наличии многих условий и требует высокого музыкально-общественного развития локуса. Вместе

с тем успешность пространственного продвижения академических традиций (их локализация и сложение в жизнеспособную саморазвивающуюся и самовоспроизводящуюся систему) напрямую зависит от «темпоритма» процессов становления профессионального музыкального образования в регионе. Последнее обусловило выбор ракурса данного исследования. На основе широкого ряда исторических источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, освещены процессы формирования профессионального музыкального образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX столетий, протекавшие в контексте общероссийских тенденций, но и обладавшие региональной спецификой.

Основное внимание сфокусировано нами на Красноярске как крупнейшем городе Енисейской губернии, важнейшей точке концентрации и пульсации музыкальной жизни в регионе. Красноярск был главным «приемником» новаций из центра, опытным полем их применения в условиях местной специфики и одновременно региональным фильтром, распространяя и тиражируя новые культурные традиции на уездные города уже в апробированном и адаптированном – готовом к применению и укоренению – варианте. Его лидерство в сфере академического музыкального искусства, включая блок профессионального образования, в Енисейской Сибири сохраняется до сих пор, как, впрочем, и во многих других областях общественной жизни.

Источники и методы исследования

Методологическое основание статьи базируется на историческом подходе, что позволяет изучать интересующие нас культурные явления в историческом развитии и динамическом взаимодействии с социально-экономическим контекстом. Поиску и отбору необходимых материалов способствует источниковедческий метод. Базу исследования составляют документы, найденные в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Муниципальном

архиве Енисейска (МАЕ), архивах Красноярского краевого краеведческого музея (АКККМ) и Енисейского краеведческого музея им. А.И. Кытманова (АЕКМ), а также сведения, обнаруженные в ретроспективных изданиях и местной периодической печати конца XIX – начала XX века. Факты, зафиксированные в данных источниках, сопоставлены и интегрированы в единое историческое целое. Данная методика позволила реконструировать культурные процессы, происходившие в общественно-творческой сфере и влиявшие на формирование системы музыкального образования. Обнаруженные документы демонстрируют индивидуальную специфику Красноярска даже в контексте сибирского географического ареала.

Авторы использовали элементы социокультурного и антропологического подходов ведущих российских ученых – А.Б. Каяк (Каяк, 2006), Н.П. Копцевой (Корцева, 2009; Корцева, Lozinskaja, 2017), И.В. Побережникова (Poberezhnikov, 2012) – и применяли такие научные методы, как системный анализ, моделирование, конкретизация и обобщение, что позволило осмыслить музыкально-краеведческий материал с новых позиций. Это способствовало выявлению значения самоорганизационных процессов в формировании академических музыкальных традиций досоветского Красноярья и особой роли личностного вклада в условиях культурной периферии. Основное внимание исследователей фокусируется на процессе становления профессионального музыкального образования в Енисейской губернии. Оно является определяющим маркером полноценной реализации модели академического искусства на новых географических территориях и формирования целостной локальной системы традиций, отвечающей региональной специфике и способной к саморазвитию и самовоспроизводству. Музыкальные учебные учреждения в Красноярье стали важнейшей скрепой формирующейся региональной академической музыкальной культуры.

Обсуждение***Специфика сложения******музыкального образования******в Енисейской губернии досоветского этапа:
роль культурно-просветительных обществ***

В досоветский период темп становления и развития академических музыкальных традиций в регионе значительно отставал от соседних сибирских губерний – Томской, Омской, Иркутской, и проявлялось это прежде всего в сфере профессионального музыкального образования. До 1920 года здесь не было музыкальной школы как таковой.

Музыкальная жизнь городов на берегах Енисея в имперские годы, в условиях невнимания власти к ее проблемам и отсутствия различных вариантов государственной поддержки, направлялась и насыщалась внутренними самоорганизационными процессами. Культуротворческие импульсы не шли «сверху», не были следствием вертикального государственного культурного строительства, а рождались «снизу», инициировались активными и просвещенными представителями различных сословных групп. При этом роль идейных лидеров исторически принадлежала интеллигенции, число которой в городах Енисейской губернии с последней трети XIX века значительно увеличивалось за счет как «пришлых» (ссылных и временно направляемых на службу), так и добровольно возвращающихся в родные места после обучения в столицах и выпускников уже сибирских учебных заведений. Существовал и малый процент тех, кто, родившись и получив образование в Европейской России, добровольно избирал Красноярск местом проживания и работы.

Музыкальное образование в Енисейской губернии, по большей части, представляло собой различные адаптивные формы получения знаний, расплывенные в городской культуре. Оно осуществлялось в рамках частной педагогической практики, совместного любительского музицирования, самостоятельного освоения исполнительских навыков и знаний, а также музыкального воспитания и обучения в низшей

и средней духовной, военной и светской школе. Следует отметить, что разобщенные способы изучения традиций академического искусства, при отсутствии единой специальной системы, но при условии «встречи» талантливого и образованного педагога с одаренным и увлеченным учеником, в ряде случаев давали высокие качественные результаты (Tsareva, 2014).

Центральную роль в становлении музыкального образования Енисейской губернии имперского этапа играли культурно-просветительные общества, собрания и клубы, которые представляли собой негосударственные некоммерческие добровольные самоорганизующиеся союзы. Они активно распространяли и развивали традиции совместного любительского музицирования, при них создавались любительские творческие коллективы, кружки и секции, приглашались в качестве наставников профессиональные музыканты, способные грамотно организовать творческий и учебный процесс. В широком спектре самоорганизационных союзов особое место принадлежало непосредственно музыкальным культурно-просветительным кружкам и обществам, которые начали возникать с последней четверти XIX века. Именно они оказывали прямое и определяющее влияние на сложение академического музыкального искусства в городах Енисейской губернии.

Напомним, что музыкальное культурно-просветительное общественное движение было всероссийской тенденцией в развитии отечественной культуры второй половины XIX – начала XX века. Достаточно вспомнить региональную сеть филиалов Императорского Русского музыкального общества (ИРМО), благодаря которой осуществлялось становление концертной жизни и профессионального музыкального образования в общенациональном масштабе. Однако в Енисейской губернии не было отделения ИРМО в отличие от Томска, Иркутска, Омска, Тобольска. Вместе с тем созданные в Красноярске социальные союзы по подобию названной отечественной культурной модели (ИРМО), возглавляе-

мые передовыми личностями, на рассматриваемом историческом этапе компенсировали невнимание власти к обогащению, наполнению и модернизации локальной музыкальной жизни и стали доминирующим двигателем развития высоких академических традиций. Несмотря на их всеословность, представители интеллигенции составляли ядро просветительской работы объединений, концентрируя в себе главный культуротворческий потенциал. Работа союзов вызвала качественные и количественные изменения в локальной культуре, которые обусловили новый эволюционный виток в формировании системы региональных академических музыкальных традиций. Передовые позиции в музыкальном культурно-просветительском общественном движении принадлежали Красноярску, где был создан Музыкальный кружок (1882)¹, который позже перерос в Общество любителей музыки и литературы (1886)².

Результатами деятельности Общества стали организация симфонического оркестра и светского смешанного хора, появление первых музыкальных сочинений красноярцев и нотной библиотеки. Силами его членов были поставлены сцены из опер М. И. Глинки («Жизнь за царя»), А. С. Даргомыжского («Русалка»), А. Н. Серова («Рогнеда»). По красноярской модели создавались аналогичные общества в других городах. Они действовали соответственно своему масштабу и имеющимся творческим ресурсам. Среди них назовем Енисейское общество любителей музыки и литературы (1898), Литературно-музыкально-драматическое общество в Минусинске (начало XX века), Кружок (1905), а затем Общество любителей драматического искусства, музыки и пения в Канске (1907) (Tsareva, 2019: 116).

Одной из своих главных задач музыкальные кружки и общества ставили создание музыкальных классов. В уставе Енисейского общества любителей музыки и литературы этой проблеме посвящен соответствующий пункт, который

гласит: «устроить музыкальные классы»³. Красноярское объединение неоднократно рассматривало данный вопрос на своих собраниях⁴, однако попытки открытия музыкальной школы, к сожалению, не увенчались успехом. Остановимся на этом подробнее.

В 1897 году от председательницы Правления Красноярского общества любителей музыки и литературы на имя Енисейского губернатора поступило прошение – «открыть в Красноярске классы пения и музыки (фортепиано и скрипки)»⁵, к нему прилагалась «программа предметов преподавания в музыкальных классах», составленная членами Общества. Классы были рассчитаны на четырехлетний срок обучения. Их учреждение требовало необходимого согласования в Министерстве внутренних дел, откуда 20 июля 1898 года пришел ответ, что открытие классов в Красноярске «по представленным программам и при условии надзора администрации за внутренним ходом их деятельности <...> разрешается»⁶. При этом добавлялось, что министерством было сделано «сношение» с Главной дирекцией Императорского русского музыкального общества (ИРМО), которая, в свою очередь, попросила представить некоторые уточнения в учебных планах по классу пения и обозначить учебники по курсам элементарной теории музыки и сольфеджио⁷. Красноярское общество любителей музыки и литературы сообщило Енисейскому губернатору требуемую информацию⁸.

В мае 1899 года образовательные программы музыкальных классов в Красноярске были одобрены Главной дирекцией Императорского русского музыкального общества⁹. Красноярское Общество проводило благотворительные концерты с целью сбора средств в пользу устраиваемой музыкальной школы, но этого было недостаточ-

¹ ГАКК. Ф. 595, оп. 1, д. 1837. 10 л.

² ГАКК. Ф. 796, оп. 1, д. 5027. 14 л.

³ АЕКМ. О/ф 5612, л. 2.

⁴ АККМ. О/ф 9019/ПИ 5175, л. 20.

⁵ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 2.

⁶ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 5.

⁷ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 5.

⁸ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 8.

⁹ ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 2808, л. 11.

но. Отсутствие необходимой материальной поддержки и заинтересованности местных властей не позволило воплотить в реальность идею творческой интеллигенции Красноярска о создании в городе музыкальной школы.

В первое десятилетие XX века наблюдается спад активности в работе Красноярского любительского музыкального общества. Постепенно оно практически перестает существовать, но в начале 1910 года вновь организуется и буквально сразу же ставит своей приоритетной задачей создание школы. Уже в феврале 1910 года появляются анонсы концертов Красноярского общества любителей музыки и литературы, сборы с которых направляются на образование «фонда» для открытия музыкальных классов. В местной прессе размещаются развернутые статьи с просьбой откликнуться: «В Красноярске организуются музыкальные классы. Средств нет. Зато есть добрые люди. Доброе общество, которое всегда готово прийти на помощь доброму начинанию» (газета «Красноярский вестник», 1910, № 24).

В исследовательской литературе, со ссылкой на газетную статью, утверждается, что в 1915 году уже другое культурно-просветительное общество – Попечения о начальном образовании – планировало открыть музыкальные классы в Красноярске. В поиске желающих получать музыкальные навыки и знания, определения исполнительского уровня и количества потенциальных учеников, а также популярности выбираемых направлений подготовки это общество опубликовало в газете «Отклики Сибири» соответствующий опрос. Кроме того, в газете упоминалось, что Общество планирует пригласить из столичной консерватории «...в качестве заведующего или преподавателя музыкального класса фортепианной игры свободного художника с высшим музыкальным образованием» (Учить творчеству! К истории профессионального образования в области искусства в Красноярске, 2019: 74). Открытие музыкальных классов предполагалось 1 сентября 1915 года. Однако и эта попытка органи-

зации музыкальной школы в Красноярске не была успешной.

Следует добавить, что Общества попечения о начальном образовании также представляли собой сеть аналогичных (между собой) союзов в городах губернии, действовавших с 1880-х годов и до прихода советской власти. Объединяя передовые силы интеллигенции и купечества, они проводили активную культурно-просветительную работу – устраивали концерты, спектакли, организовывали творческие любительские коллективы, хотя и не ориентировались на чисто академические традиции.

Частная педагогическая практика и музыкальное обучение в системе народного образования Енисейской губернии

В Енисейской губернии были распространены частная музыкальная педагогическая практика и самостоятельное освоение исполнительских навыков с помощью различных пособий. Это также входило в широкий диапазон форм самоорганизационной социокультурной деятельности. Первые свидетельства частных музыкальных уроков в Красноярске находим еще в письмах декабриста В. Л. Давыдова, датированных 1840–1850-ми годами (Davudov, 2004). В местных газетах конца XIX – начала XX века уже регулярно размещались объявления с предложениями услуг преподавателей музыки. К началу XX века в Красноярске значительно увеличилось число магазинов, распространяющих, помимо музыкальных инструментов, нотную и методическую литературу, в том числе различные самоучители и авторские «школы»¹⁰, что как нельзя лучше свидетельствовало о возросших культурных потребностях горожан¹¹.

Если говорить о музыкальном обучении в системе народного образования Енисейской губернии, то его положение достаточно разнилось в зависимости от ведомственной принадлежности учреждения. В духовных учебных заведениях закрытого

¹⁰ ГАКК. Ф. 796, оп. 1 д. 4814. 20 л.

¹¹ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 113.

типа оно было обязательным, регламентированным «сверху», что исторически диктовалось прикладными задачами и целями. Это обеспечивало лучшую стабилизацию музыкально-образовательного процесса по сравнению с гражданскими (особенно начальными) учебными заведениями, хотя и ограничивало его определенной жанровой сферой. Вместе с тем «стабилизация» была только номинальной. Как свидетельствуют отчетные документы Красноярского Епархиального женского училища за 1898–1899 учебный год, в действительности существовал острый дефицит квалифицированных специалистов, способных грамотно проводить, согласно учебным планам, музыкальные дисциплины и желающих работать за скромное денежное вознаграждение (*Report on the state of the Krasnoyarsk Diocesan Women's School*, 1899: 12).

В средней светской школе Енисейской губернии осуществлялось знакомство с традициями академического музыкального исполнительства. Речь идет о мужских гимназиях Красноярска и Енисейска, женских гимназиях Красноярска, Енисейска, Канска, Ачинска, Минусинска, учительских семинариях Красноярска и Минусинска. В отличие от духовной школы музыкальные дисциплины в перечисленных учебных заведениях пользовались творческой свободой, но не имели статуса обязательных предметов. Их положение и развитие регулировались внутренними самоорганизационными процессами: зависели от устава каждого конкретного учреждения, отношения администрации, желания учащихся и попечительского совета, присутствия заинтересованных, энергичных и квалифицированных преподавателей.

На рубеже XIX–XX веков в Енисейской губернии в сфере музыкального воспитания в рамках светского образования произошли значительные изменения. Региональные и столичные власти, локальные педагогические коллективы и передовая общественность Красноярска стали признавать пользу и необходимость качественного музыкального образования в средней школе. Однако на музыкально-учебный процесс

по-прежнему негативно влияли кадровый дефицит и недостаток финансирования.

Главный инспектор училищ Восточной Сибири при посещении Женской гимназии Красноярска в 1883 году высказал в числе пожеланий – «вести обучение ... пению» (Бакай, 1895: 39). С конца XIX столетия уроки пения в гимназиях Красноярья приобретают стабильность, а в младших классах становятся обязательными. При этом освоение навыков игры на музыкальных инструментах оставалось в форме факультативов.

В конце 1880-х – начале 1890-х годов в Красноярских Губернской (мужской) и Женской гимназиях стали регулярными литературно-музыкальные вечера и утра, которые часто выходили из стен учебных заведений на городские площадки (Бакай, 1895: 53). Они пользовались интересом у широкой публики, которая желала увеличения их числа. Постоянным участником концертных программ Женской гимназии был хор учениц, причем в его репертуар уже в 1891 году входили песни Л. Бетховена, хоры из русских («Русалка» А. Даргомыжского) и зарубежных опер («Иосиф» Э. Мегюля, «Бланш из Прованса, или суд фей» Л. Керубини, «Моисей» Дж. Россини)¹². Рецензенты давали высокие оценки качеству исполнения коллектива: «Хор, составленный из учениц гимназии, очень порядочно спел довольно трудный вальс из оперы «Фауст». Срепетирован был вальс превосходно...» (газета «Енисей», 1895, № 57). Изредка мелькали в программах вечеров инструменталисты из среды гимназистов, которые обучались исполнительству факультативно либо частным образом.

Особым вниманием к музыкальному обучению воспитанников отличалась Красноярская мужская гимназия. Во многом это было обусловлено позицией ее высокообразованных руководителей, которые активно поддерживали и развивали творческую инициативу учащихся. С 1896-го до конца 1917 года директором учебного заведения был словенец по происхождению, выпускник Венского университета А. Я. Логарь. Затем гимназией руководил выпускник

¹² ГАКК. Ф. 796, оп. 1, д. 4637, л. 15.

Петербургской духовной академии и Петербургского археологического института А. П. Оносовский. Многие самоорганизационные импульсы, исходящие от учащихся, находили отклик у администрации учебного заведения: покупались музыкальные инструменты, приглашались педагоги. Так, например, в начале XX века в гимназии проводились уроки по освоению духовых и народных инструментов, были организованы духовой и народный оркестры, которые играли как в стенах учебного заведения, так и на различных городских площадках. Кроме того, в гимназии традиционно преподавалось пение и действовал ученический хор (Tsareva, 2014: 137–138).

По примеру столицы аналогичные процессы разворачивались и в уездных городах Енисейской губернии. С 1880–1890-х годов постоянно устраиваются литературные и музыкальные вечера в Мужской прогимназии и Женской гимназии Енисейска. Инициировала их проведение администрация учебных заведений, заботясь о культурно-эстетическом воспитании учащихся. На них постоянно вступали хоровые ученические коллективы, однако участниками были также солисты-вокалисты и инструменталисты из числа музыкально одаренных гимназистов. Эти мероприятия притягивали внимание общественности Енисейска, всегда освещались в прессе как ярчайшие события местной культурной жизни¹³. Прогимназии и гимназии в уездных городах Енисейской губернии были значимыми очагами музыкального просвещения¹⁴.

Из упомянутых учебных заведений средней светской школы в Енисейской губернии в действительности хорошо организованным музыкально-образовательным процессом отличалась Красноярская Учительская семинария. Во многом это было результатом заботы администрации (подробнее о приглашенном из Петербурга учителе музыки, проработавшем в семинарии более двадцати лет, речь пойдет в следующем разделе статьи). В ней преподавались пение, теория музыки и проходило систематичное

обучение на музыкальных инструментах, преимущественно на скрипке. Последнее объяснялось тем, что владение музыкальным инструментом обеспечивало сопровождение хору. Выпускники семинарии отправлялись работать в самые отдаленные уголки губернии, и скрипка как мобильный инструмент оказывалась наиболее приспособленной к подобным ротациям. Учебное учреждение имело определенный запас скрипок, однако зачастую они были ненадлежащего качества. Об этом свидетельствуют публичные критические замечания в красноярской периодике: «Воспитанники учительской семинарии жалуются, что в текущем учебном году им выданы до того плохие скрипки, что сыграть на них что-либо серьезное – дело не из легких. Плохое качество выданных скрипок заключается главным образом в плохом тоне и неверности грифа. Одним словом – инструменты «топорной» работы. Если в учительской семинарии ценятся хорошие скрипачи, то и скрипки должны выдаваться воспитанникам только лишь удовлетворительного качества» (газета «Красноярский вестник», 1910, № 21).

**Павел Иосифович Иванов-Радкевич –
организатор профессионального
музыкального образования
в Енисейской губернии**

До прочного закрепления власти большевиков в Енисейской губернии (до 1920 года) в формировании системы академических музыкальных традиций в регионе доминировали процессы самоорганизации. Они пронизывали все ее элементы, обеспечивая эволюцию и адаптацию складывающейся региональной культурной модели к локальным условиям. При более детальном анализе, своего рода приближении, мы видим, что эти процессы не были хаотичными, а запускались, аккумулировались и направлялись конкретными личностями – лидерами. Обладая необходимыми профессиональными компетенциями и качествами характера, собирая вокруг себя человеческие ресурсы и выстраивая необходимые социальные отношения, они

¹³ МАЕ. Ф. 6, оп. 1, д. 39, л. 20.

¹⁴ МАЕ. Ф. 6, оп. 1, д. 41, л. 12.

выступали локомотивами культуротворческих процессов, формировавших базовые блоки локальной системы академических музыкальных традиций.

Одной из таких центральных личностей был Павел Иосифович Иванов-Радкевич (1878–1942) – музыкант-исполнитель (пианист и скрипач), педагог, светский хормейстер и регент, дирижер, композитор. Его вклад в развитие исполнительства (камерно-инструментального и вокального, духовного и светского хорового, симфонического, оперного) огромен, но наибольшую роль он сыграл в формировании блока профессионального музыкального образования в столице Енисейской губернии.

Павел Иосифович родился в Петербурге, окончил Императорскую придворную певческую капеллу. В Красноярск приехал в 1897 году по приглашению директора Учительской семинарии Ф.И. Говорова на должность учителя музыки. Кроме семинарии П.И. Иванов-Радкевич преподавал пение и в других образовательных учреждениях города. Им был создан смешанный хор (более 60 человек), включающий учащихся Женской гимназии и Учительской семинарии, а также взрослых любителей музыки. Коллектив участвовал в концертах и постановках оперных сцен в Красноярске («Жизнь за царя» М. Глинки, «Мазепа» П. Чайковского, «Аида» Дж. Верди и др.). Павел Иосифович, сам бесконечно преданный своему делу, умел увлечь юных воспитанников: некоторые из его учеников-хористов в дальнейшем выбрали профессиональную вокальную карьеру и добились широкого общественного признания (М. Сладковский, П. Словцов, М. Токаревич)¹⁵.

П. И. Иванов-Радкевич, приехав в Красноярск, не преминул вступить в состав Общества любителей музыки и литературы. Он возглавил смешанный любительский хор, жанрово расширил его репертуар и повысил исполнительский уровень, о чем свидетельствовали положительные отклики местных критиков в 1899 году (газета «Енисей», 1899, № 41). Активное участие он при-

нимал и в попытке устроить музыкальные классы при Обществе в 1897–1899 годах (газета «Красноярский рабочий», 1920, № 20), о чем подробнее речь шла в предыдущем разделе. Неудача в реализации этой идеи не остановила Павла Иосифовича в стремлении транслировать свои знания красноярцам. Он успешно занимался частной музыкальной практикой, став одним из самых популярных педагогов. Общее количество частных учеников П. И. Иванова-Радкевича по фортепиано в Красноярске было около 50 человек. В числе них находились дети из семей крупных и известных промышленников и предпринимателей – Нови, Усковых, Гадаловых, Раззороновых. Приобретая необходимые исполнительские навыки и музыкальные знания, некоторые из его воспитанников успешно продолжали обучение в столичных консерваториях: в Московской – Е. Черняева, О. Клодт, в Петербургской – И. Стенпневская; К. Городецкий учился в одной из авторитетных частных школ Петербурга Е. Рапгофа¹⁶.

П. И. Иванов-Радкевич принял наставническое участие в музыкально-просветительной работе молодежного общества Дом юношества, действовавшего в Красноярске в 1917–1919 годы. Он поддерживал и направил в академическое музыкальное русло интенсивные самоорганизационные творческие процессы, которые охватили широкие социальные круги. В результате новая молодежная организация стала играть роль значимого локального музыкально-образовательного центра.

Активную позицию в деятельности Дома юношества занимали учащиеся Губернской мужской гимназии. Из их числа было выбрано правление Общества (Суслов, Воронов, Чучелов, Носов, Елисеев) и председатель – сын главврача тюремной больницы Красноярска, частный ученик П. И. Иванова-Радкевича Леонид Гинцбург. При Доме юношества они организовали ряд кружков, в том числе музыкальный и драматический¹⁷. Во многом означенный приоритет гимназистов объясняется наличием

¹⁵ АККМ. В/ф 3645, л. 13–14.

¹⁶ АККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 31.

¹⁷ ГАКК. Ф. 348, оп. 1, л. 481, л. 20.

у них успешного самоорганизационного опыта в культурно-просветительной деятельности в стенах родного учебного заведения. Как отмечалось выше, в гимназии уделялось достаточное внимание творческой инициативе молодежи.

П. И. Иванов-Радкевич возглавил любительский симфонический оркестр, функционировавший при музыкальном кружке Дома юношества. Отчасти он не являлся новым для города коллективом. Еще в 1910 году Павел Иосифович организовал при Обществе любителей музыки и литературы любительский симфонический оркестр, в который входили талантливые учащиеся Мужской гимназии и Учительской семинарии, а также взрослые музыканты (профессионалы и любители). Деятельность Общества в годы Первой мировой войны прекратилась, но симфонический оркестр под руководством Павла Иосифовича продолжил функционировать уже при другом культурно-просветительном объединении – Доме юношества. Репетиционной базой для оркестра в данный период стал зал Красноярской учительской семинарии, где преподавал П. И. Иванов-Радкевич. Репетиции проходили дважды в неделю.

В этот оркестр вошли и четыре сына Павла Иосифовича, гимназисты, которые осваивали духовые инструменты. Двое из них (Александр и Николай) в дальнейшем окончили Московскую консерваторию. Александр Павлович (1900–1984) учился по классу фортепиано у профессора Ф. М. Blumenфельда и получил специальность оперно-симфонического дирижера, Николай Павлович (1904–1962) окончил консерваторию по классу композиции у профессора Р. М. Глиэра¹⁸. Получив академический музыкальный опыт в столице, они с благодарностью вспоминали свой красноярский период совместного любительского музицирования в оркестре отца¹⁹.

В этом оркестре также играли: профессиональный музыкант, учившийся некоторое время в Петербургской консерватории, скрипач А. Л. Марксон, скрипач

О. Е. Золотарев, любители – скрипач Парамонов, альтист М. Н. Красиков, виолончелист В. П. Косованов. Павел Иосифович умел грамотно, по силам подобрать репертуар своему оркестру. На городских концертных площадках в исполнении коллектива звучали «Меланхолия» Э. Направника, «Вальс-Фантазия» М. Глинки, *Andante* из четвертой симфонии П. Чайковского, увертюра к опере В. Моцарта «Свадьба Фигаро», фортепианные концерты Ф. Мендельсона *d-moll* и *g-moll*, солистами в которых выступили частные ученики П. И. Иванова-Радкевича – гимназисты Л. Козлов и Л. Гинцбург (Tsareva, 2014: 114, 141).

Отдельного внимания заслуживает исполнительское мастерство упомянутых частных учеников-пианистов Павла Иосифовича – Льва Козлова и Леонида Гинцбурга. Они были постоянными участниками концертов, проводимых музыкальным кружком Дома юношества, выступая как сольно, так и в камерных составах и в сопровождении любительского симфонического оркестра. В их репертуар входили концерты В. Моцарта (*d-moll*), Ф. Мендельсона (*g-moll* и *d-moll*), Э. Грига (*a-moll*), «Лунная» соната Л. Бетховена, «Фантазия-экспромт» Ф. Шопена, Парафраз Ф. Листа на темы из оперы Дж. Верди «Риголетто», пьесы Р. Шумана и Э. Грига, «Элегия» В. Калинникова, «Экспромт» А. Скрябина, «Прелюдии» С. Рахманинова (Царева, 2014: 142). Полученные в Красноярске музыкальные знания и навыки позволили Л. Козлову (Калтату) (1900–1946) успешно овладеть профессией в лучшем музыкальном вузе страны: в 1926 году он окончил Московскую консерваторию у профессора К. Н. Игумнова, в 1930 – музыкально-научное отделение консерватории (класс М. В. Иванова-Борецкого) (Раку, 2014: 55). Председатель Дома юношества Л. Гинцбург (1901–1976), завершив гимназический курс в 1918 году и не решаясь сделать выбор, одновременно поступил в Томское музыкальное училище по классу рояля к Ф. Н. Тютрюмовой и в Томский университет на юридический факультет. Спустя несколько лет Л. Гинц-

¹⁸ АКККМ. В/ф. 3645, л. 19–21.

¹⁹ АКККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 144.

бург фокусируется на юридической карьере и переводится в Московский университет. Впоследствии он получает ученую степень доктора юридических наук.

Как упоминалось, П.И. Иванов-Радкевич был композитором. В основном он сочинял вокальную музыку, отдавая предпочтение духовным жанрам, что диктовалось его профессиональной деятельностью с хоровыми коллективами. Вместе с тем его многолетнее активное самосовершенствование по означенным векторам творческой деятельности вылилось в создание объемного музыкально-театрального сочинения – детской оперы «Царевна Земляничка». Основой ее либретто стала пьеса-сказка в стихах П.С. Аллегро-Соловьевой. В этом произведении и его постановках гармонично соединились все таланты автора – как педагога, дирижера, композитора, организатора.

К сочинению оперы П.И. Иванов-Радкевич приступил в 1914 году. К исполнению вокальных ролей были привлечены ученицы автора в Женской гимназии и некоторые взрослые красноярские любители. Первый вариант создания оперы предполагал фортепианное сопровождение. Премьерные постановки проходили в залах Женской гимназии²⁰ и Городского театра под аккомпанемент автора на рояле и были с успехом встречены публикой (газета «Сибирская мысль», 1915, № 17).

Желание сделать оркестровый вариант оперы получило судьбоносную поддержку исторических обстоятельств. В Красноярск устремились эшелоны с пленными Первой мировой войны, а среди них находились профессиональные музыканты: выпускники европейских консерваторий, солисты зарубежных опер, артисты оркестров. Несмотря на все тяготы войны и плена, иностранные музыканты не потеряли любви к своей профессии. В Красноярске в концентрационном лагере им было позволено организовать симфонический оркестр под руководством пленного венгра Дезидерия Больдиша, с творчеством которого могли познакомиться и сибиряки. Услышав

исполнительский уровень европейцев, П.И. Иванов-Радкевич, добившись разрешения от властей, пригласил их принять участие в оркестровой постановке своей оперы. Они ответили согласием. Сводные репетиции проходили в зале Женской гимназии. Таким образом, П.И. Иванов-Радкевич стал за пультом значительно укрепленного симфонического оркестра, в который наряду с учащимися Мужской гимназии и Учительской семинарии вошли высокообразованные европейские музыканты. Это стало бесценным мастер-классом для красноярцев. Привлекали общественное внимание открытые репетиции, а постановки с участием европейцев оперы «Царевна Земляничка» до конца 1919 года пользовались постоянным успехом у публики²¹.

Все обозначенные способы получения музыкальных знаний и навыков не заменяли собой музыкальной школы в регионе. Иванов-Радкевич, долгие годы ратовавший за ее открытие и прилагавший к этому многие усилия, реализовал идею создания школы. В контексте советской политики музыкально-образовательное заведение в Красноярске, открытое в апреле 1920 года, получило имя Народной консерватории. В отчетных документах оно анонсировалось как учебное учреждение «нового типа»²². П.И. Иванов-Радкевич был назначен заведующим Народной консерваторией, он же подготавливал учебные планы.

Красноярская Народная консерватория соединяла в себе черты современной начальной и средней профессиональной школ. Она имела два отделения. На первом – своего рода классическом, программа которого выполнялась по плану классов Русского музыкального общества, – преподавались фортепиано, смычковые, духовые, народные инструменты, сольное пение. Второе – инструкторско-педагогическое – готовило музыкальных работников для сельских клубов (так называемых инструкторов), учителей пения для общеобразовательных школ и организаторов хоров (газета «Красноярский ра-

²⁰ АКККМ. О/ф 9544–2/Д 2709, л. 125.

²¹ АКККМ. В/ф 3645, л. 32, 39–42.

²² ГАКК. Ф. Р-93, оп. 1, д. 42, л. 19.

бочий», 1920, № 20). Как видим, Народная консерватория в Красноярске пыталась соединить в себе старые и новые формы учебной деятельности. Причем первые включали в себя как отголоски дореволюционных демократичных общедоступных Народных консерваторий, так и наследие элитарных классов ИРМО. В этом синтезе старых и новых традиций проявлялись свойственные данному переходному историческому периоду поиски инновационных музыкально-образовательных форм.

К работе в консерватории Павел Иосифович привлек все значимые творческие силы, находившиеся на тот момент в Красноярске: выпускников русских и европейских консерваторий, попавших на берега Енисея в потоке пленных Первой мировой войны и беженцев Гражданской войны²³. Таким образом, развернувшееся масштабное культурное строительство в регионе благодаря личностному посредничеству опиралось на общеевропейские академические музыкальные традиции, продолжая эстафету преемственности непреходящих ценностей и идеалов.

По подобию Красноярска, но с учетом локального масштаба и имеющихся творческих ресурсов проводилась работа в уездах Енисейской губернии. Среди ее достижений открытие музыкальной студии, а через год – школы в Канске (1920)²⁴ и создание музыкальной школы в Минусинске (1921)²⁵. Растущая сеть учреждений культуры на берегах Енисея в первые советские годы стала результатом конструктивного взаимодействия идейной активности творческой интеллигенции с заинтересованностью и поддержкой органов власти.

Выводы

Рассматриваемый период (последняя треть XIX – начало XX века) являет собой одну из ключевых вех в длительном, неравномерном и пунктирном процессе развития академического музыкального искусства на Енисее. Означенный этап наделил реги-

он необходимыми элементами, дающими возможность включения в общенациональную и мировую орбиту высокой музыкальной культуры, и определил кардинальные сдвиги в становлении профессионального музыкального образования. Сформулируем ряд выводов.

Во-первых, особенность рубежа веков в том, что самоорганизационные культуротворческие инициативы, достигшие «точки кипения» к этому периоду и охватившие широкий диапазон страт общества, выразились в создании инновационных для Енисейской губернии социальных форм, благодаря которым локальная культурная модель обретала истинно академические музыкальные традиции. Яркий пример новых социальных отношений для региона – культурно-просветительные общества (Общества любителей музыки и литературы, молодежное общество «Дом юношества», Общества попечения о начальном образовании и др.). В Красноярске (и в других городах губернии) в конце XIX – начале XX века они являлись мощными очагами самоорганизации образованных граждан и одновременно центрами творческой и инновационной активности, приобретая специфическую модификацию в различных локальных масштабах. Непосредственно музыкальное культурно-просветительное общество – любителей музыки и литературы – стало оттиском будущей развитой академической музыкальной культуры в регионе, прообразом целостной структуры со взаимосвязанными элементами. Это был первый системный опыт сложения и функционирования академических музыкальных традиций, где они получали реализацию в контексте самоорганизационных процессов. Некоторые векторы деятельности этого Общества остались намерениями (как, например, профессиональное образование), но обозначали тенденции.

Во-вторых, в сфере музыкального обучения в системе народного образования также усилились самоорганизационные инициативы, что вызвало качественные изменения к концу XIX – началу XX века.

²³ ГАКК. Ф. Р-13, оп. 1, д. 157, 27 л.

²⁴ ГАКК. Ф. Р-169, оп. 1, д. 13, л. 36.

²⁵ ГАКК. Ф. Р-93, оп. 1, д. 92, л. 44.

Прогимназии, гимназии, учительские семинарии стали значимыми флагманами музыкального просвещения, ориентируясь на развитие академических традиций исполнительства.

Безусловно, конструктивных результатов самоорганизационных культурных движений не произошло бы без направляющей и структурирующей роли творческих лидеров – грамотных специалистов, координирующих социальную энергию, чья численность заметно возросла к тому времени. Одной из знаковых фигур музыкальной жизни Красноярска начала XX века выступил П. И. Иванов-Радкевич. Запущенные им самоорганизационные процессы в сфере любительского музицирования и образования стали истоками и основой профессионализации, подготовили рождение учреждений культуры. Появление последних совпало со сменой общественно-экономической формации и выступило необходимой юридической «оболочкой» к уже сформированному, по большей мере, содержанию на предыдущем (имперском) этапе.

В-третьих, с установлением советской власти в Енисейской губернии профессиональное музыкальное образование, распыленное в культурной жизни города и направляемое самоорганизационными процессами, пополнило область государственных стратегических задач по обеспечению региона собственными кадрами. В первые советские годы конструктивно соединились внутренняя самоорганизационная личностная активность и внешняя поддержка государственного аппарата. Главным достижением этого этапа и в целом длительного пути распространения и укоренения академических музыкальных традиций в регионе стало открытие Народной консерватории (1920) и ее дальнейшее непрерывное функционирование в различных формах (техникум, училище, колледж). Появление первого музыкально-образовательного учреждения Енисейской губернии определило сложение целостной региональной системы академических традиций, способной к саморазвитию, самовоспроизводству и функционированию в едином географическом ареале.

Список литературы / References

Bakaj, N. N. (1895) *K dvadcatipyatiletiyu Krasnoyarskoj ZHenskoj gimnazii (1869–1894) [To the twenty-fifth anniversary of the Krasnoyarsk Women's Gymnasium]*. Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. ZHilina, 78 p.

Davydov, V. L. (2004) *Sochineniya, pis'ma [Essays, letters]*. Irkutsk, Memorial'nyj muzej dekabristov, 512 p.

Kajak, A. B. (2006) *Metodologija issledovaniya kul'turnyh obmenov v muzykal'nom prostranstve [Methodology for the study of cultural exchanges in the musical space]*. Moscow, Akademicheskij proekt, 256 p.

Kopceva, N. P. (2017) *Liki kul'tury v sisteme gumanitarnogo znaniya [Faces of culture in the system of humanitarian knowledge]*. St. Petersburg, SPbGUP, 72 p.

Kopceva, N. P., Lozinskaja, V. P. (2009) *Muzykal'noe iskusstvo v sisteme cennostej kul'tury [Musical art in the system of cultural values]*. Krasnoyarsk, Sibirskij federal'nyj universitet (SFU), 115 p.

Otchyot o sostoyanii Krasnoyarskogo Eparhial'nogo zhenskogo uchilishcha v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1898–1899 uchebnyj god [Report on the state of the Krasnoyarsk Diocesan Women's School in teaching and upbringing for the 1898–1899 academic year] (1899). Krasnoyarsk, Tipografiya Al. D. Z, 21 p.

Poberezhnikov, I. V. (2012) *Chelovek v usloviyah social'nyh transformacij: konceptual'nye interpretacii [Man in the context of social transformations: Conceptual interpretations]*. In *Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin]*, 3, 4–13.

Raku, M. G. (2014) *Muzykal'naja klassika v mifotvorchestve sovetskoj jepohi [Musical classics in the myth-making of the Soviet era]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 720 p.

Uchit' tvorchestvu! K istorii professional'nogo obrazovanija v oblasti iskusstva v Krasnojarske [Teach creativity! On the history of professional education in the field of art in Krasnojarsk] (2019). Krasnojarsk, SGII imeni D. Hvorostovskogo, 388 p.

Tsareva, E. S. (2014) *Muzykal'naya zhizn' Krasnojarska ot istokov do 1922 goda: puti formirovaniya muzykal'noj kul'tury evropejskogo tipa [Musical life of Krasnojarsk from its origins to 1922: ways of forming a musical culture of the European type.]*. Krasnojarsk, KGAMiT, 368 p.

Tsareva, E. S. (2019) Etapy stanovlenija akademicheskoj muzykal'noj kul'tury v Enisejskoj gubernii: voprosy periodizacii [Stages of the formation of academic musical culture in the Yenisei province: issues of periodization]. In *Vestnik muzykal'noj nauki [Bulletin of Musical Science]*, 1 (23), 114–121.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

МАЕ – Муниципальный архив г. Енисейска.

АКККМ – Архив Красноярского краевого краеведческого музея.

АЕКМ – Архив Енисейского краеведческого музея им. А. И. Кытманова.

О/ф – основной фонд.

В/ф – вспомогательный фонд.